

К тому же, думал я про себя, прогуливаясь по библиотеке и подбирая то одну, то другую книгу, всемирная империя не построится сама собой. Я ненадолго остановился, когда мой взгляд упал на секцию с ограниченным доступом, ненадолго задумался о возможном взломе, но потом отбросил эту возможность - в конце концов, для этого еще будет время.

"Я начинаю говорить как мания величия..." пробормотал я про себя, осознав, что называть свои туманные планы на будущее "созданием всемирной империи" не совсем разумно. Тем не менее, мне необходимо было приобрести навыки, прежде чем отправляться в самостоятельное плавание.

...

Неужели мне действительно понадобятся семь лет занятий здесь? задался я вопросом, взяв в руки толстую книгу по Анимации. "Сразу после войны, вероятно, наступит лучшее время для того, чтобы наладить свою экономическую жизнь", а ритм, которому следовала учебная программа, был крайне медленным по сравнению с тем, чему я мог бы научиться, если бы приложил усилия.

Летом я смогу опробовать Явление, похоже, это не слишком сложное умение. И это должно позаботиться о мобильности.

Мне нужно только построить надежное убежище, что подразумевает наличие какого-то подопечного, есть и пить, а также содержать себя и свою одежду в чистоте. Сделав еще пару шагов, я фыркнул: "Черта с два я буду гадить за кустом, надо бы и об этом что-нибудь узнать".

Когда мне стало трудно балансировать на стопке книг, я начал искать место, где можно было бы присесть. Конечно, я заметил большой стол, за которым одиноко сидела гриффиндорка третьего курса, и случайный взгляд, которым она бросила на меня, чтобы я не садился, скорее всего, и был причиной ее одиночества. Джекпот.

13-летняя Минерва МакГонагалл с острым подбородком и широко расставленными глазами почти обнажила зубы в беззвучном рычании, когда я приблизился, несмотря на ее тактику сдерживания.

"Простите?" - прошипела она шепотом, нахмурившись, когда я просто сел.

"Извините". Я легкомысленно ответил, начав просматривать содержимое своей подборки книг: "Это правда, что вы - следующий Мерлин в Трансфигурации?"

Мой вопрос прервал ее полушепот, вызвав розовый румянец на ее щеках, после чего она вернулась к своему характерному суровому выражению лица: "У меня нет ни времени, ни терпения разбираться с твоей слизеринской глупостью!"

Отличная аллитерация. "Какой глупостью? Вы отлично справляетесь с Трансфигурацией, я интересуюсь Трансфигурацией, и сидеть здесь, на мой взгляд, совершенно неразумно".

Она насмешливо хмыкнула, затем сузила глаза и оглядела меня, вероятно, впервые видя меня, а не используя свои глаза как подобие кинжалов: "Ты неестественно большой первокурсник", - обвинила она меня.

"А ты, похоже, самая наблюдательная девушка в округе, поздравляю". Я закатил глаза, покрутив в руках свою палочку и сосредоточившись на предполагаемом результате заклинания. Без лишних слов я указал на перо и негромко произнес.

"Плюмаверто".

Нити, похожие на струны, с обеих сторон центральной жесткой части пера, словно вода, потекли друг за другом, закрутились, приобретая металлический блеск, и предмет укоротился, приняв более разумную форму перьевой ручки.

Я поднял глаза от своего запасного пергамента и успел увидеть удивленное выражение лица шотландской ведьмы.

"Это..." Голос МакГонагалл колебался между растерянностью от всей этой ситуации, неверием в то, что первокурсник может совершить такую трансфигурацию всего за неделю занятий, завистью к моей изобретательности и любопытством от того, что я показал себя не таким, как обычные студенты Хогвартса.

С практической легкостью, наслаждаясь заинтересованным взглядом ведьмы, сидящей на другом конце стола, я отвинтил верхнюю часть пера, открыв задуманную мной полую сторону, и медленно налил внутрь чернила.

Прежде чем плотно закрутить верхнюю часть и написать несколько закорючек, чтобы черная жидкость потекла, я нарисовал схему перьевой ручки, которая явно еще не появилась в Волшебном мире, начертав на одной стороне надпись "Плюмоверто".

Наконец, с дружелюбной улыбкой, как я надеялся, я протянул пергамент, который был принят с поднятыми бровями.

"Меня зовут Рубеус Хагрид". представился я, поднимая руку, чтобы пожать ее.

"Минерва МакГонагалл, очень приятно", - инстинктивно ответила она, пожимая мне руку. Но даже после этого ее глаза не отрывались от пергамента, жадно поглощая мой рисунок.

"Это изобретательно, но вы могли бы добиться такого же результата с помощью самопишущего пера".

Я пресек ее попытки принизить мою работу простым замечанием.

"Заряжающие чары. Если потренироваться, то можно превратить боковую сторону пера в стекло, а может быть, сделать его таким, чтобы оно было нестираемым, и тогда, когда чернила закончатся, его можно будет заправить одним взмахом палочки".

"Это материал для шестого курса...", - нахмурилась она, но прекратила попытки отвергнуть мое творение.

Я пожал плечами, не обращая внимания на слабое возражение. У меня ушло десять часов практики на то, чтобы превратить перо в шариковую авторучку, и я чертовски горжусь этим.

"Потому что, как и проклятие Джемино, это форма колдовства?" неуверенно предположил я, аккуратно подставляя один из вопросов, которые крутились у меня в голове последнюю неделю.

"Итак, - заявил я, сумев привлечь её внимание, - я понимаю, что всё объяснение заключается в использовании символики для того, чтобы совершить чары или трансфигурацию".

Даже если Поттер был способен выучить Муфлято, Левикорпус, Сектумсемпру и даже

Патронуса без необходимости думать о чём-то конкретном. Я мысленно поправил это утверждение, понимая, что глубокое понимание теории магии на самом деле довольно бесполезно, когда нужно творить волшебство.

"Тем не менее, на самом деле я не понимаю Гэмпса. В частности, пятое исключение". заключил я, постукивая по странице.

"Следует отметить, что хотя пища не может быть создана из ничего, ее можно размножить, если у человека уже есть пища для размножения, ее можно увеличить или вызвать, если он знает примерное местоположение и уверен, что пища все еще будет там".

Минерва читала со страницы, которую я сунул ей под нос, все еще несколько обескураженная моим выступлением: "Кроме того, если "хорошую еду" нельзя заколдовать, то расходные материалы, такие как соусы, вино и питьевая вода, можно, поскольку они не являются особо питательными веществами".

"Но ведь существа могут быть зачарованы, не так ли? Например, змей и птиц, ведь, по общему признанию, достаточно легко представить идеальную форму живого животного". Я возразил, что они явно сложнее, чем вино.

"Не говоря уже о том, что колдовать чрезвычайно сложно, - глаза Минервы ненадолго нашли мои, все еще не веря в сюрреалистичность всей ситуации: "и что есть причина, по которой Дублирующие и Заполняющие чары оставлены для курсов N.E.W.T., вам, вероятно, лучше следовать учебному плану, прежде чем забегать так невероятно далеко вперед".

Я не хотел учиться танцевать на чайной чашке, не говоря уже о превращении жука в пуговицу или морской свинки в птицу, это было бы пустой тратой времени и сил.

"Если я справлюсь с теорией, будем учиться вместе?" предложил я единственный компромисс, на который был готов.

"Вы считаете себя способным

"Это не так сложно, меня два дня назад научили, как превратить спичку в иголку, и посмотрите, что мне удалось сделать на скорую руку".

"Сразу?"

"Возможно, я потратила на дизайн непозволительно много времени". Я согласился с ее мнением, после чего вернулся к своему предложению.

"Если я буду в достаточной степени соответствовать уровню четвертого курса по теории трансфигурации, вы согласитесь учиться вместе? У меня есть несколько проектов, в которых вместо моего глупого слизеринского выпендрежа пригодился бы твой талантливый подход, а я, скорее всего, смогу показать себя выдающимся волшебником, и мне хотелось бы со временем подружиться".

Она фыркнула на мое полное отсутствие скромности, что заставило меня сардонически улыбнуться: "Друзьями?" - она недоуменно вскинула бровь.

Я отчасти понимал её недоверие: мне было одиннадцать, ей - тринадцать, в таком возрасте это казалось пропастью, но МакГонагалл собиралась стать монстром на Трансфигурации, и, признаться, идея остаться в одиночестве на всё время моего пребывания в Хогвартсе звучала

как-то... безумно.

Конечно, Дамблдор выглядел отличным парнем, но мне совершенно не хотелось рисковать, чтобы он рисовал меня кистью Тома, и это не считая риска оказаться рядом с гениальным волшебником.

Это исключало его из числа друзей до тех пор, пока мне не удастся встать на равные позиции.

У Слизнорта был глаз на талант, и он, скорее всего, обратится ко мне, если мне удастся реализовать некоторые из моих диких проектов, связанных с зельями разного рода. Но он также был профессором, который не видел ничего плохого в том, чтобы поговорить о крестражах с Томом Риддлом, так что, хотя я, несомненно, собирался использовать его так же, как он собирался использовать меня, я не горел желанием этого.

Единственным человеком, который мог бы предложить что-то похожее на разумный обмен мнениями, если только я не хочу тратить своё время, обшаривая всё население Хогвартса, был Том Риддл. Да, это был не вариант, поскольку мне всё равно нужно было убить этого ублюдка с манией величия.

"Можно подумать, ты способен догнать..." Минерва прервала свои возражения, заметив, как я верчу в руках созданную мной авторучку: "Хорошо, я согласна".

...

Через несколько часов я прочел несколько книг по трансфигурации, предложенных Минервой, которая, тем не менее, ясно дала понять, что не собирается уделять мне время, пока я не докажу, что действительно компетентен.

Это был не тот мир мелкого соперничества, который изображался в книгах о Гарри Поттере, различия были очевидны. И не только из-за долговременных последствий деятельности Гриндельвальда и Волан-де-Морта, но и в значительной степени из-за общего менталитета людей. В 1940 году уважение к старшим и к Институтам было очень даже в почете.

Я уже собирался идти в общую комнату, где намеревался до конца дня заниматься Трансфигурацией, как вдруг позади меня раздался чей-то невнятный голос.

В спину бесполезно шипнуло заклинание, заставив меня обернуться и нахмуриться. Позади меня стояла пара старшекурсников Слизерина, скорее всего, лет четырнадцати, с выражением веселья, которое быстро перешло в недоверие, когда они поняли, что их первый ход совершенно провалился.

Это выражение сменилось растерянностью, когда вместо того, чтобы отпрянуть в страхе, я сделал шаг вперед и взмахнул своей палочкой: "Экспеллиармус!".

Я щёлкнул запястьем, как я религиозно практиковался, образ Обезвреживающих чар чётко вырисовывался в моей голове, затем последовал ещё один, более тонкий взмах палочкой, направленный на второго студента. Левикорпус.

"Инстинктивный ответ первого ученика успел вовремя остановить Обезоруживающие чары, но не пощадил его спутника, который внезапно оказался приподнятым за лодыжку, отчего его палочка упала, а сам он инстинктивно попытался поднять руки, чтобы защитить лицо от пола, который, казалось, вот-вот ударит его по лицу.

Первый ученик повернулся с изумлённым выражением лица к своему другу как раз вовремя, чтобы быть пригвождённым ещё одним молчаливым *Levicorpus*, за которым последовал ещё один: "Экспеллиармус!", уверенный в результатах своего обаяния.

Через несколько секунд я уже держал в руках палочки двух очень взбешенных чистокровных, которые не знали, как освободиться, и были вынуждены болтаться на икрах, сверкая на весь коридор своим нижним бельем.

Я вздохнул, обдумывая ситуацию. Что делать, как быть? Наверное, я должна быть благодарна за то, что издевательства над "явно не таким" первокурсником затянулись на целую неделю.

"Это было очень хорошо сделано", - спокойный голос, не принадлежащий тринадцатилетнему ребенку, заставил меня повернуться, где забавный Том Риддл просматривал результаты импровизированной дуэли.

О, черт возьми! простонал я.

<http://tl.rulate.ru/book/96307/3293446>